

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ
МЫ КВИТЫ
СО СМЕРТЬЮ

ЭКМО
МОСКВА
2013

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
З-43

Разработка серийного оформления *С. Курбатова*

*Ранее книга выходила под названием
«Черная сделка»*

Зверев С. И.

З-43 Мы квиты со смертью / Сергей Зверев. —
М. : Эксмо, 2013. — 352 с. — (Спецназ. Офи-
церы).

ISBN 978-5-699-67754-2

Спецназовец ВДВ Владимир Локис и не подозревал, что обычные учения обернутся кровавой драмой. Согласно легенде учений, он и его напарник в роли иностранных агентов должны были, преодолев заслоны пограничников, сфотографировать секретный аэродром и доставить снимки в дружественный штаб. Но в результате неожиданной стычки с «черными» копателями трофеев Второй мировой напарник погиб, а на Владимира повесили его убийство. Теперь за Локисом охотятся не только пограничники, но и милиция. Однако скрутить лихого десантника нелегко. Владимир не собирается сдаваться, пока не выполнит поставленную задачу и не расквитается с убийцей товарища...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-67754-2

© Зверев С., 2013
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

1

Солнце ушло далеко за лес. На запад. Пройдет еще минут сорок-пятьдесят, и оно полностью утонет в Балтийском море. Начнется летняя ночь. Не очень темная в этих краях. Хотя широколиственный лес, которым покрыто около трети Калининградской области, уже затянуло полумраком.

На лесную прогалину с разных сторон вышли четверо — широкоплечие, длиннорукие — тяжелые кулаки, объемные бицепсы. Их экипировка была похожа на горно-туристскую — куртки защитного цвета с множеством карманов, рюкзаки, кобура для ножа, фонарика, каких-то оптических приборов, электрошокера. Для полноты картины недоставало только оружия. На ногах — высокие сапоги из водоотталкивающего материала. Явно не запоздалые грибники вышли на глухую поляну. Походка, движения, обмундирование — все говорило о военной профессии мужчин, встретившихся в лесу около пограничной зоны на северо-востоке Калининградской области.

Мужчины молча глянули друг на друга. Один — светловолосый, рослый — показал рукой на рюкзак.

Кивнули, снова разошлись в стороны, впрочем, не очень далеко друг от друга. Каждый выбрал подходящее для себя место. Аккуратно вскрыл ножом, похожим на штык-нож к автоматической винтовке, дерн, схоронил сложенный в рюкзаке парашют-крыло. На таком вполне возможно было незаметно и бесшумно пересечь пограничный с Литвой Неман.

Через несколько минут мужчины опять сошлись, обменялись хмурыми взглядами, осмотрелись, прислушались к лесной тишине. Тот же светловолосый, что показывал на рюкзак, поднял правую руку, коротко махнул. Двое пошли в сторону, указанную им. А он сам и его товарищ, ростом пониже и покряжистее, взяли немного правее и углубились в лес. Мужчины, естественно, действовали по заранее обговоренному плану.

Светловолосый шел первым, его спутник — за ним, чуть ли не след в след. Ступали осторожно, чтобы лишний раз не трещать сучьями. Не переговаривались. При каждом подозрительном шорохе замирали. Время от времени светловолосый останавливался, доставал странного вида прибор — не то плоский мобильный телефон, не то электронная записная книжка, — справлялся по GPS, где они находятся. Вдвоем молча осматривали на экране электронную карту, сверяли, засекали время. Палец светловолосого то и дело показывал на значок, каким обычно обозначается военный

аэродром. Они уверенно выбирали кратчайший путь до него, при этом обходили населенные пункты. Предпочитали места погуще, поболотистее. Перед автотрассами залегали, выжидали момент, когда в поле зрения не будет машин, быстро перебежали проезжую часть. К людям, которых они изредка замечали на пути, не подходили вообще, встречных пропускали.

Шли всю ночь, а к утру оказались перед неширокой лесной речкой. Ее светлая гладь говорила о том, что скоро совсем развиднеет. Переправились вброд, залегли.

Светловолосый сделал знак рукой — замри. Раздвинул прибрежные кусты. Перед ними возвышалась сосна. С нижней сухой ветки свисал черный штандарт с эмблемой «Waffen-SS», правда несколько истлевший. Видимо, его недавно откопали и повесили сушиться. Тут же, вокруг сосны и вдоль берега, в хаотичном порядке были разложены десятки человеческих скелетов. Рядом с ними — немецкие каски, мятые фляги, пряжки, пуговицы, сапоги, ремни, планшеты и множество другого полуистлевшего старья.

Крепыш — товарищ светловолосого — тоже раздвинул кусты, увидел штандарт.

— Фашисты? — прошептал он.

— Глянь-ка на землю.

Крепыш оцепенел от увиденного.

— Это — «черные копатели»... — сказал светловолосый. — Совсем охренели. На костях бизнес делают... пусть даже и на немецких!

Светловолосый и крепыш огляделись — вроде никого рядом не было. Поднялись.

— Смотри — тут целый арсенал, — прикинул крепыш.

Отдельной горкой лежало заржавевшее оружие: «шмайсеры», «парабеллумы», «вальтеры», винтовки; отдельно — такие же «шмайсеры» и «парабеллумы», вполне пригодные для употребления. Рядом стоял вскрытый цинковый ящик с гранатами.

— Да, взвод можно вооружить, — сказал светловолосый.

— Отметь на карте... Нашим бы сообщить. Хотя, блин, демаскируемся. Прочитать бы их.

— Прочтим. — Светловолосый открыл электронную карту...

— Тихо — они там, — предупредил крепыш.

Чуть поодаль на берегу стоял туристический трейлер, типа «домик на колесах». Вокруг него лежали пустые бутылки из-под водки, открытые консервы, а из самого трейлера раздавался богатый храп.

— Суки, нажрались, теперь отсыпаются.

Сначала крепыш, потом светловолосый подошли к трейлеру поближе. За ним у речной затоки стояла мотопомпа, здесь же — бульдозер с металлическими тросами, лежащими на вспаханной ими же земле.

— У них тут все на широкую ногу поставлено, — вполголоса сказал светловолосый.

— Может, падлам колеса продырявить? — Крепыш подошел вплотную к самому трейлеру.

В это время дверь «домика на колесах» резко, словно от удара ногой, открылась, и из него вылез зверовидный мужик. Он был в синих спортивных штанах и белой растянутой майке. На ногах — обрезанные кирзовые сапоги на босу ногу. Мускулы словно у культуриста на шее и плечах — налитые, бугристые, отчего его голова казалась меньше, чем положено нормальному человеку.

Он уперся затуманенным взглядом в крепыша.

— Э, кто тут ошивается! — проорал он охрипшим спяну голосом.

Храп в трейлере прекратился.

— Вы, блина мать, каннибалы гребаные... — Крепыш встал перед ним.

— Пропусти, — неожиданно мирно сказал «культурист».

Он отошел в сторону — в кусты.

Из трейлера вылезли еще четверо громил, похожих на первого, словно родные братья.

— Мы — военно-патриотический клуб, — сказал «культурист» под производимое им бурное журчание.

— Патриотический? — Крепыш кивком головы указал на эсэсовский штандарт. — А какой страны ты патриот, расскажи-ка, а то я, типа, не понял... — Он подошел к сосне, содрал штандарт в порыве порвать его на хрен...

«Культурист» спокойно подтянул штаны до пупа:

— Не трогай исторический экспонат.. Я сейчас все разьясню и покажу.

Четверо громил продрали глаза и разбрелись по ближайшему лесу. Хмуро, исподлобья косились они то на крепыша, то на светловолосого.

— Да не надо нам ничего разъяснять. — Светловолосый и крепыш вплотную подошли к «культуристу».

Тот понял, что сейчас его будут бить.

— Вот, «корки» покажу. — «Культурист» примирительно улыбнулся, нагнулся, чтобы достать из бокового кармана штанов документы, но потом вдруг резким движением выхватил из голенища сапога финку и молниеносно всадил крепышу в грудь.

Крепыш, перед тем как его обожгло, успел нанести «культуристу» удар через руку в скулу. Тот отлетел, при этом вырвав из грудины крепыша нож. Хлынула кровь. Светловолосый в ту же секунду мощным ударом ребром ладони выбил у «культуриста» финку — словно отсек ему руку. Второй рукой достал его нижнюю челюсть. «Включил» ноги. Нанес удар в печень, в солнечное сплетение. У «культуриста» перехватило дыхание. Он, как-то скрючившись, грохнулся навзничь.

Светловолосый перевел взгляд на своего товарища. Крепыш, держась за грудь, медленно оседал.

— Держись! Слышишь! — крикнул светловолосый.

Боковым зрением он увидел, как на него налетает здоровяк. Этот «черный копатель» выглядел как ошетилившийся боров: краснорожий, со студенистыми зрачками. Боров бестолково — мельницей — размахивал своими громадными кула-

чищами, орал что-то нечленораздельное и бежал на светловолосого. Наверное, хотел не столько избить того, сколько сшибить с ног своей массой. Светловолосый сделал шаг в сторону, дал борову немного пролететь и боковым в грудь сбил ему дыхание. Пока тот пролетал мимо, другой рукой срубил его — ударом по шее. Боров зарылся носом в траву, покрытую чистой утренней росой. Там и остался.

Крепыш уже сидел на земле. Ослабевая, тихо стонал.

— Валерка, будь со мной, слышишь. Я сейчас! — крикнул светловолосый, отпрыгнул от упавшего борова, сорвал с липучек нагрудный карман. — Сейчас, аптечка...

Там был микроволновый прибор, похожий на отвертку, — спецразработка военных медиков. Под воздействием микроволн, испускаемых «отверточкой», сворачивалась кровь даже в глубоких порезах. Это могло дать Валерке реальную возможность продержаться.

Светловолосый быстро достал пластиковую коробочку. Она не открывалась — была плотно закрыта. Подхватил нож, который валялся тут же, под ногами, вскрыл отсек с патронташем пузатых одно-разовых шприцов. Среди них был этот прибор...

В этот момент увесистая дубина обрушилась на его затылок.

В глазах закружилась картинка: два мужика, один широкий, другой высокий, с поднятыми над головой березовыми колами стояли возле него — чуть со спины. У длинного кол был окровавленный. Потом все потемнело.

Антонина Тимофеевна Локис всю жизнь прожила в подмосковной Балашихе. И в Москву ездила не часто. А чего ездить? Работа — литейно-механический завод, где она дослужилась до старшей кладовщицы инструментального цеха — близко, а все, что необходимо для жизни, можно купить и здесь, в Балашихе. Тем более что и денег-то у Антонины Тимофеевны, или Тонечки, как ее до сих пор называли в цеху, всегда имелось в обрез, и тратиться на билеты до Москвы и обратно она считала непозволительной роскошью.

Теперь же Антонина Тимофеевна по большей части жила одна. Горячо любимый сын появлялся наездами.

Семейное счастье у Тонечки было коротким. Однажды на танцах она познакомилась с Олегом — сержантом-сверхсрочником, служившим в части прямо здесь, в Балашихе. Немногословный увалень-белорус тоже устроился на литейно-механический завод. Работал формовщиком в горячем цеху, зарабатывал хорошо, выпивал только по праздникам и исключительно дома.

Погиб он через три года после свадьбы на глазах у Тонечки и сына, который, впрочем, не понимал тогда ничего по причине малолетства. Муж бросился вытаскивать двенадцатилетнего пацана, тонувшего в Пехорке. Парня вытолкнул, а сам выплыть не смог. Хоть и невелика речка, без омутов и стремнин, а вот надо же — случилось! Так и растила Тонечка одна сына Володьку. И ведь вырос-

тила. Теперь контрактником служит в элитном парашютном спецназе. Правда, пошел по ее профессии — кладовщик. Семейное призвание как-никак. Только у них, у военных, это как-то смешно называется — каптерщик. Как-то по-рыбацки, рыбу, что ли, он там коптит... Ну, это и хорошо, поспокойнее, прыгать с парашютом заставляют исключительно во время больших учений. И все равно, бывало, сердце материнское так защемит, переживает за Володьку. Антонина Тимофеевна в Рождественскую церковь стала ходить. Взяла себе за правило по воскресеньям — обязательно. Всегда ставила свечки перед образами Матери Божьей и чудотворца Николая Угодника. А еще перед иконой святого Ильи, потому как батюшка сказал ей, что святой Илья-пророк — покровитель небесного воинства — десантников.

Антонина Тимофеевна возвращалась с воскресной службы, уже поднималась к себе в квартиру, как внезапно услышала на площадке шум. Пьяный парень стучал кулаком в дверь.

— Я тебе сказал! Слышишь! Открывай!

«Вот сожителя себе нашла», — подумала Антонина Тимофеевна про Наташку — молодую, почти юную девушку — свою соседку.

— Иди проспись! — из-за двери писклявым голоском крикнула Наташка.

— Да я немного выпил-то... А-а что?.. Я себе не могу позволить... нервы успокоить?! Тем более в... выходной!

— Ты, парень, не горячись, — сказала Антонина Тимофеевна. — Иди погуляй по улице. Прове-

тришься, в себя придешь. Глядишь, и она к тому времени успокоится.

— Да что вы тут все... Меня учить, десантника... Пока я под чеченскими пулями брюхом по земле ползал, вы здесь в тепле и сытости денежки себе копили! — проревел мужик диким голосом.

— Может, закроешься? — взвизгнула Наташка.

Она узнала голос Антонины Тимофеевны, и ей стало очень стыдно за своего парня.

— Дверь отвори! А вы, мать, проходите. Ненароком дверью зашибет. — Он с новой силой ударил кулаком по косяку.

— Эй, мужик, не буянь! — На площадке открылась еще одна дверь.

Выглянул гражданин в шлепанцах на босу ногу, расхристанный, в махровом халате, из-под которого выглядывал обтянутый оранжевой футболкой круглый живот.

— Что-о! Ты это мне?! — заорал Наташкин сожитель и схватился за ручку открытой двери.

Гражданин в халате увидел перед собой перекошенную от ярости физиономию бывшего десантника и мгновенно успел оценить габариты соперника. Мужик не на шутку испугался, резко дернул дверную ручку со своей стороны. Рука Наташкиного сожителя соскользнула, и дверь хлопнула так громко, как будто в подъезде раздался взрыв. На этаже вылетело оконное стекло. Осколки острым дождем посыпались по каменным ступеням. На площадках выше открылись двери, из квартир повысовывались переполошившиеся жильцы:

— Что случилось?!

- Издевательство!..
- Понапиваются тут!..
- Псих отмороженный!..
- Милицию!..
- Достали!..

— А кто за стекло заплатит?! — Подъезд загудел, словно разворошенный улей.

— Я за вас, блин, кровь проливал... Стольких друзей схоронил... А вы из-за какого-то стекла копеечного. Вы меня... Да оно, я видел, давно треснутое было!.. — У бывшего десантника сжались кулаки, он готов был уже вскочить по пролетам лестницы наверх и разобраться с каждым, кто осмелился на него что-то там вякнуть. — Мне что, «табель» свой принести и всем вам рты позакрывать?!

— Парень, послушай. погоди! Остынь! — Антонина Тимофеевна как раз находилась у него на пути первой и смело встала посреди лестничного пролета. — Не доводи до греха...

— Отойди... Ты кто такая? — кипел бывший десантник.

— Я — Антонина Тимофеевна Локис. У меня сын тоже десантник...

— Локис... — Наташкин сожитель как-то сразу осекся, отступил. — Извините. Извините меня. Что-то я совсем... На душе, понимаете, хреново... Так уже все достало... Извините, пожалуйста, извините. — Он еще на шаг отступил, снова очутился на площадке перед Наташкиной дверью.

Наташка, недолго думая, распахнула входную дверь.